

© Е. Матвеева

**«Хочешь ли ты увидеть?»:
Талья Блокланд и ее
реляционное понимание
сообществ. Рецензия на книгу:
Т. Блокланд «Сообщество
как городская практика». М.:
НЛО, 2023.**

Когда Мустафа Эмирбайер в «Манифесте реляционной социологии» (1997) писал о восприятии социального явления как «вещи», он прежде всего хотел противопоставить динамизм реляционного подхода «мертвой хватке» субстанционалистов. Социолог Талья Блокланд в своей книге использует эту оппозицию применительно к конкретным людям, метафорически дифференцируя их на два идеальных типа «пустивших корни» и «отправившихся в путь» («en route»). Первые живут, ориентируясь на «старое» понимание социального, вторые же открыты его «новому» прочтению. Вторые (подвижные, динамичные, гипермобильные) начинают преобладать над первыми. В этом заключается, на мой взгляд, главная социальная повестка книги Т. Блокланд о сообществе.

Самая большая трудность в работе с книгой состоит в том, что автор говорит о некоторых фундаментальных вещах имплицитно, более того — априорно. Она не находит необходимым объяснить читателю, что такое реляционная социология, несмотря на то, что это краеугольный камень исследования. Например, о работе М. Эмирбайера, одного из основоположников реляционного подхода, узнать можно лишь из комментариев редактора «НЛО» (С. 21). Таким образом, книга приобретает довольно элитарный характер, отсеивая людей, имеющих слабый бэкграунд в социальной теории.

Матвеева Екатерина – бакалавр ист. наук, в 2023 г. закончила исторический факультет МГУ по специальности социальный антрополог (кафедра этнологии), в настоящий момент – независимый исследователь. katmat1717@yandex.ru

Для цитирования: Матвеева Е. «Хочешь ли ты увидеть?»: Талья Блокланд и ее реляционное понимание сообществ. Рецензия на книгу: Т. Блокланд «Сообщество как городская практика». М.: НЛО, 2023 // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 266-271. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/266-271>

Подобная ситуация подчеркивает важность написания рецензии как адаптирующего посредника, функция которого — вернуть ту часть аудитории, которая не смогла пробраться через теоретические дебри работы. Выйти из этих дебрей поможет небольшой экскурс, который объяснит теоретическую рамку.

Реляционная социология — калька английского названия направления (relational sociology). Другой вариант перевода — отношенческая социология — не закрепился в российской науке. Реляционная социология возникла как реакция на критику структурного анализа социальных сетей («social network analysis» — SNA) в конце 1990-х годов. Само название направления (реляционная) может вызвать недоумение, создав ощущение тавтологии: чем реляционность, делающая акцент на отношениях, отличается от социальных связей и сетей?

Между тем, разница есть. Предшественником реляционного подхода была социология культуры или культурсоциология (Дж. Александер и Ф. Смит), сделавшая акцент на взаимодействии сетей и культуры (смыслов, значений и ценностей). Работа Эмирбайера (*Emirbayer* 1997) возникла именно благодаря этому «культурному повороту» в социологии 1970–1980-х годов.

Две основополагающие черты реляционного подхода — это динамизм и контекст, которые соединило в себе понятие транзакции. Это понятие есть и у Блокланд в типологии социальных сетей (С. 95), но уже как один из компонентов, наряду с взаимозависимостями, узлами и привязанностями. Книга Блокланд отражает довольно продвинутое интерпретацию реляционности, что очевидно, поскольку со времен манифеста Эмирбайера прошло почти двадцать лет. Более того, это в очередной раз ставит перед рецензентом непростую задачу адаптации книги к российским реалиям, где реляционная социология не получила такого распространения, как на Западе.

При почти полном отсутствии пояснений по поводу реляционной социологии, Блокланд пишет целую теоретическую главу, посвященную понятию сообщества — главному объекту ее исследования. Что же такое сообщество в понимании исследовательницы и как оно вписывается в «реляционную повестку»? Сообщество — термин, идущий рука об руку с европейской социологией с момента ее становления как науки в конце XIX в. Живучесть термина можно объяснить тем, что он связан с самой сутью социального: сообщество выступает своего рода «близнецом» понятий личная идентичность и социальная самоидентификация, без которых невозможно представить свое собственное «Я». Книга Тальи Блокланд, изданная на русском языке спустя шесть лет после ее публикации на английском, — попытка дать себе отчет в вопросах и темах, касающихся природы сообщества как городской практики.

Сотрудничество с издательством «Polity» имеет для Блокланд очень важное значение: именно оно опубликовало две ее важнейшие работы. Рецензируемая книга «Сообщество как городская практика» (Community as Urban Space) стала второй из них. Первая работа под названием «Городские связи» (Urban bonds) опубликована в 2003 г. и представляет собой итог ее PhD-исследования. По словам автора, эти книги, опубликованные с интервалом в 13 лет («Сообщество...») было сдано в печать в 2016 г.) связаны напрямую (С. 7). На их примере можно говорить об изменении понятия сообщества. Понимать его через

социальные и персональные связи или через локацию, как это было в первой книге, Блокланд считает уже недостаточным, если вообще допустимым (С. 112, 208). Итак, Блокланд отходит от статичного понимания сообщества. Она вводит специальную главу, посвященную сообществу как культурному феномену (Глава 3. С. 59–86), которому сетевой анализ не уделял внимания.

До этого момента я постаралась ответить на вопрос о том, каким образом реляционная социология преломляется в книге Блокланд. Второй, не менее важный вопрос — что из себя представляет методология исследования? Могу ли я, как социальный антрополог, охарактеризовать ее в привычных для себя понятиях этнографического исследования? Для ответа на вопрос о методологии я рассмотрю также контекст написания работы и ее оценку автором в рамках интервью через год после публикации.

Несмотря на заявление о том, что она «не делала прямых презентаций тезисов, выдвинутых в книге, в каких-либо докладах и дебатах» (С. 7), Блокланд там же, во введении, отмечает, что идеи работы буквально циркулировали вокруг нее в момент написания благодаря общению с коллегами и студенческим семинарам в Гумбольдтском университете. Преемственность становится очевидной, если посмотреть на другие ее публикации: например, статья из сборника 2008 г. под названием «Конец урбанизму: как меняющаяся пространственная структура городов повлияла на потенциал(ы) социального капитала» явно перекликается с параграфом, посвященным теме страха по поводу «смерти сообщества» (С. 26–44). А книга «Creating the Unequal City», где Блокланд выступила главным редактором и соавтором, соотносится с главой про сообщество как политический феномен («Практики исключения»; С. 174–202). В рецензируемой книге также можно найти достаточно много ссылок на другие работы автора. Все это указывает на то, что идея книги о сообществе вызрела внутри прошлых работ.

В интервью с социологом Ромитом Чоудхури через год после публикации книги (2018) Блокланд делает очень важное признание: «Я вижу себя как социолога-урбаниста, разрабатывающего тему города. Но я точно так же могу представить себя работающей над социальной теорией. Мой главный интерес, когда я была еще студентом-магистром, состоял именно в теории. Я писала свою магистерскую диссертацию о том, можем ли мы использовать идеи Маркса, Вебера и Дюркгейма при описании сплоченности (cohesion) в современных обществах. Поэтому я находилась под большим влиянием умерших белых мужчин!» (Chowdhury 2018: 1–7).

Работа Блокланд имеет отчетливо теоретический, в какой-то степени обзорный, историографический характер. Автор ставит перед собой две цели: во-первых, сделать ревизию существующих в урбанистике и социологии города представлений о сообществе; во-вторых, предложить свое понимание этого термина, соблюдая правило: «критикуешь (субстанциалистский подход) — предлагай свое, новое (реляционное) понимание». При этом исследовательница считает невозможным создавать новое через отрицание старого. Она строит свои концепции, опираясь на фундамент предшествующей социальной теории. Это «дурацкое упражнение» (С. 23), как она сама иронично назвала, позволяет ей оттолкнуться от существующих концепций, чтобы создать что-то свое.

Итак, что представляет собой структура книги? Какие главы выглядят более этнографическими, а какие — менее? Вторая глава (С. 26–59) посвящена теоретизации сообщества как социологического понятия: делая подробный обзор, Блокланд опровергает два бытующих в социальных науках представления. Первое — привязанность сообщества к конкретной локации, что создает то самое чувство потери/исчезновения сообщества в эпоху «текущей современности» (С. 42). Второе — восприятие сообщества как персональной сети, что сводит на нет «отсутствующие связи», «знакомых незнакомцев» и другие атрибуты мимолетных, трудно осознаваемых столкновений (С. 44–59).

Помимо введения и теоретической главы, в книге есть еще пять глав, которые посвящены созданию нового понимания сообщества. Если вторая (теоретическая) глава сосредоточена вокруг социологических исследований, то последующие главы — в первую очередь «Сообщество как культура» (С. 59–86) и «Практики исключения» (С. 174–202) — привлекают антропологический взгляд в качестве одного из методологических подходов. Далее я опишу, как именно идеи социальной антропологии преломляются в социологической работе Блокланд.

С одной стороны, книгу можно назвать этнографической, если понимать под этнографией качественные методы исследования — включенное наблюдение, дневниковые записи. Именно так ее понимает Ромит Чоудхари в уже упоминавшемся интервью: Блокланд отвечает на это, подчеркивая взаимосвязь исследовательского вопроса с методами. Для нее первое однозначно определяет второе: «Количественное исследование может ответить только на вопрос, что это? [...] *В то время как качественные методы могут дать ответ на вопрос, как это происходило?* [...] Поэтому этнография и качественные исследования способны лучше ухватить различные корреляции, происходящие в городе» (Chowdhury 2018: 5–6). Однако это не раскрывает антропологическую составляющую книги, которая не сводится к вопросу о методах, несмотря на то что книга действительно является прекрасным примером качественных исследований. Блокланд обращается к социальной антропологии в двух контекстах, рассматривая сообщество, во-первых, как культурную фигуру и, во-вторых, как политическое явление. Первое подразумевает определенный набор символов, определяемых подвижными (на индивидуальном уровне) значениями. Второе — работу по проведению границ, включению и исключению, отделению «своих» от «чужих».

В обоих контекстах Блокланд демонстрирует расширенное толкование сообщества, санкционированное идеями социальных антропологов. В случае с культурой это отход от «статичного, этноцентрического и примордиалистского взгляда на нее» (С. 74); в случае с политикой — понимание власти, через рецепцию Фуко и Бурдьё, как чего-то дискретного и локализованного в повседневных ситуациях (С. 207). Наконец, само понятие сообщества рассматривается в континууме от конкретных практик до продукта социального воображения. В этом смысле становится ясней заложенный в последней фразе книги конструктивистский посыл: «К счастью, подобные сообщества присутствуют повсеместно — для тех, кто хочет их увидеть» (С. 213).

Этнографическое поле Блокланд очень размыто, что связано с высоким уровнем теоретизации материала. Я бы назвала ее метод работы ретроспек-

тивным воспоминанием: она выделяет отдельные кейсы из своей биографии (очень много примеров строится на контрасте наблюдений городских сообществ Нидерландов и Германии, где жила сама исследовательница) и из работ на другие темы, которые, казалось бы, косвенно связаны с городским сообществом. Уровень серендипности поражает: автор не создала как такового поля для этого исследования, подкрепляя теорию случайными наблюдениями из имеющегося опыта.

Обращаясь к критическим замечаниям, отмечу, что здесь главное противоречие проистекает из-за неоднозначной позиции автора. С одной стороны, Блокланд показывает, что понятие сообщества не замыкается на городе, претендуя на отход от его интерпретации как места, выдвигая своего рода вменяемость как главную черту сообщества. С другой стороны, автор рассматривает сообщество исключительно как городскую практику, локализуя ее в городе. Исследователь-практик (с бэкграундом в социальных исследованиях города) борется с исследователем-теоретиком, чьи утверждения выходят далеко за рамки эмпирического материала. Блокланд поступает абсолютно правильно, сужая тему, исходя из своих возможностей и компетенций; но более расширенное понимание сообщества, на которое она открыто претендует, требует материала или экспертного мнения, выходящего за рамки городских исследований и, следовательно, привлечения специалистов более широкого профиля. Мне сложно сказать, кем должны быть эти «другие» исследователи: может быть, это исследователи «новой сельскости», может быть, социальные теоретики, в том числе антропологи, но их участие должно привести главное — междисциплинарность. Люди, «пустившиеся в путь», о которых было сказано ранее в начале рецензии, — это не обязательно «горожане» или «деревенские жители», если эти ярлыки к ним вообще применимы. Это что-то не вписывающееся в традиционные координаты и требующее нового исследовательского языка, каковым оказывается реляционная социология и «реляционное мышление».

В качестве завершения хочу опять обратиться к интервью с Чоудхури: в нем Блокланд говорит о Берлине, имея в виду прежде всего Гумбольдтский университет, где она работала и работает по настоящий момент, как о месте интеллектуальной свободы, где социология воспринимается именно как интеллектуальный проект с особой системой оценивания (evaluation system).

В таком случае, может быть, стоит смотреть на книгу Блокланд как на очередной этап ее непрерывающегося исследовательского поиска? Это не то чтобы нивелирует критику, основанную на том, что теоретические построения автора не сходятся с эмпирическими данными, но позволяет взглянуть на книгу и ее автора через более созидательную призму.

Особенность работы Блокланд состоит не в том, что она говорит о принципиально новых вещах, а в том, что она говорит о старом по-новому. В этом смысле автор перешагнула внешний запрос издательства «написать небольшую книжку о сообществе»: «Я увидела в этом [в предложении «Polity»] великолепную возможность переформулировать и заново упорядочить неко-

торые темы, над которыми я работала последние несколько лет» (С. 7). К примеру, это темы социального капитала, бондинга, сетевого анализа, феномена соседства и многие другие. В итоге, на мой взгляд, с этой личной задачей автор достойно справилась.

Литература

Blokland T., Giustozzi C., Kruger D. Creating the Unequal City. The Exclusionary Consequences of Everyday Routines in Berlin. L.: Routledge, 2016.

Blokland T. Urban bonds. Cambridge: Polity, 2003.

Chowdhury R. Communities and Urban Life: In Conversation with Talja Blokland. isa.e-Forum. International Sociological Association e-Symposium. 2018. 7 p.

Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103, No.2.P. 281–317.

Book Review

E. Matveeva. «If you want to see?»: Talia Blokland and her relational understanding of communities. Book review: T. Blokland «Community as an urban practice». M: NLO, 2023. *Anthropologies*, 2023, no 2, pp. 266-271, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/266-271>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Matveeva E. | katmat1717@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0001-9322-6241> | independent researcher

E. Matveeva. «Хочешь ли ты увидеть?»: Талья Блокланд и ее реляционное понимание сообществ. Рецензия на книгу: Т. Блокланд «Сообщество как городская практика». М.: НЛО, 2023.

